

Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции

Юрий Петров

Russia on the eve of the Great revolution of 1917: Recent trends in historiography

Yuriy Petrov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Столетний юбилей российской революции закономерно вызвал повышенный интерес профессионального сообщества историков к общественно-политическим, социально-экономическим и гуманитарным проблемам, которые породили социальный взрыв в Российской империи. По общему признанию, прологом Великой российской революции стала Первая мировая война. Однако нужно иметь в виду, что она коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт в целом: с политической карты Европы исчезли четыре империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская), произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах.

Таким образом, сегодня Первая мировая оценивается не только и не столько в качестве прелюдии «Великого Октября», как было принято в советской историографии, но как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира. За последние два десятилетия в свет вышли десятки посвященных этой теме публикаций исторических источников, сотни статей и монографий, историографических исследований¹.

В советский период в историографии утвердилась своеобразная отчужденность военной истории России 1914–1917 гг. от «гражданской» — ход боевых операций изучался независимо от событий внутри страны, и наоборот — политическая, экономическая и социальная тематика редко «вторгалась» в историю войны. Ситуация начала меняться в последнее время, когда в связи со 100-летием начала войны в свет вышли первые обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет².

© 2017 г. Ю.А. Петров

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025а(ц).

¹ См.: Забытая война и преданные герои / Сост. Е.Н. Рудая. М., 2011; Белова И., Гребёнкин И. Первая мировая: великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013; Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2.

² См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014.

Как известно, Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала огромной мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным хозяйством. В работах советских историков отмечались негативные изменения социально-экономической ситуации в России, которые, следуя известной ленинской формуле, предопределили массовое недовольство и привели к революции. А.Л. Сидоров, чьи книги благодаря уникальному фактическому материалу до сих пор не утратили своей актуальности, объяснял предержавность экономического краха России в годы Первой мировой войны промышленной отсталостью страны; на слабости отечественного военно-промышленного потенциала акцентировал внимание и Л.Г. Бескровный³. Однако в последнее двадцатилетие отечественные и зарубежные исследователи стали всё чаще обнаруживать позитивные элементы в финансово-экономической политике правительства предвоенных и военных лет⁴. Согласно новому прочтению, государство методом проб и ошибок искало эффективные механизмы взаимодействия с предпринимателями⁵, пыталось упорядочить работу железнодорожного транспорта⁶, вместе с кооперативными организациями стремились улучшить продовольственное снабжение армии и тыла⁷. При этом перевод части промышленности на военные рельсы привел к падению выпуска гражданской продукции и её удорожанию, что неизбежно повлекло за собой негативные социальные последствия.

В недавних исследованиях всё чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской

³ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-промышленного потенциала. М., 1986.

⁴ См.: Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000; Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003; Военная промышленность России в начале XX века. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006; Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; Бокарев Ю.П. Экономические последствия распада Российской империи в результате Первой мировой войны. Екатеринбург; М., 2009; Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

⁵ См.: Юрий М.Ф. Организационное устройство Центрального военно-промышленного комитета (1915 – февраль 1917 г.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985; Сергеев С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Ваганова Л.В., Рукоусев Е.Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁶ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб., 1994; Сенин А.С. Министерство путей сообщения в 1917 г. М., 2009.

⁷ См.: Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011; Рынков В.М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2.

модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. В историографии утвердилось понимание того, что революция — не событие, а процесс. В этой связи существенно расширяются хронологические рамки изучения революции.

Множество сторонников в отечественной науке приобрела модернизационная парадигма⁸, концентрирующаяся на трансформации традиционного аграрного общества в индустриальное. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, в связи с чем большое внимание стало уделяться изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества⁹.

Впрочем, остаётся дискуссионным вопрос о соотношении успехов и трудностей на пути модернизации: «оптимистам», подчёркивающим значительный рост уровня жизни подданных империи в начале XX в.¹⁰, противостоят «пессимисты», которые рост населения в России связывают с уменьшением душевого потребления¹¹. Так, с точки зрения С.А. Нефёдова, быстрый рост населения России в XIX в. привёл к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению молодёжи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва¹².

Новый взгляд на ситуацию в экономике России дополнили исследования, посвящённые социальной истории¹³. В их числе многотомный проект под руководством В.В. Шелохаева «Политические партии России конца XIX — первая треть XX в.: Документальное наследие», благодаря которому свет увидели документы, показывающие деятельность различных партий накануне и в годы революции¹⁴.

⁸ О теории модернизации применительно к российской истории см.: История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013.

⁹ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX — начало XX в.* / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012.

¹¹ *Нефёдов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // *Российская история.* 2011. № 1.

¹² *Нефёдов С.А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность.* 2012. № 3. С. 96–107; *Нефёдов С.А.* «Молодёжный бугор» и первая русская революция // *Социологические исследования.* 2015. № 7. С. 140–147; и др.

¹³ См., например: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004.

¹⁴ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. В 6 т. М., 1994–1996; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1–3. М., 1997; Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998; *Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы.* Т. 2–3. М., 2001; *Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы.* М., 2003; *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы.* 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 2015; и др.

Вместе с тем в последние годы получила распространение конспирологическая концепция, согласно которой втягивание империи в войну, а затем и её падение интерпретируются как результат заговора внешних (германских или британских), либо внутренних сил — революционеров, масонов, генералов и т.д.¹⁵. Большинство российских историков убеждено, что официальный Петроград не помышлял о сепаратном мире и, несмотря на военные неудачи, был готов продолжать войну до победного конца. Однако версия о подготовке сепаратного мира представителями ближайшего окружения императора продолжает жить¹⁶.

Масонский «след» в событиях Февральской революции в своё время разглядел советский историк Н.Н. Яковлев¹⁷. В ответ одни его коллеги выступили с резкой отповедью¹⁸, другие предложили компромиссные трактовки. Так, В.И. Старцев объявил масонские ложи органом по координации действий думских левых либералов, трудовиков и социал-демократов. Все они якобы вынашивали планы военного переворота, но умудрились проглядеть судьбоносные события конца февраля 1917 г.¹⁹

Некоторые современные исследователи также обращаются к поиску «виновных» в революции, предлагая в этом качестве то «деструктивную деятельность» российской либеральной общественности, то конспирологическую активность «элит». О.Р. Айрапетов утверждает, что либеральная оппозиция смогла дискредитировать правительство, дезориентировать генералитет и в союзе с последним сокрушить правящий режим²⁰. Сходную позицию занимает Ф.А. Гайда, в трактовке которого кадеты представляли собой радикальную политическую силу, не склонную к компромиссам с правительством и нацеленную исключительно на захват власти²¹. С.В. Куликов штабом революции называет Центральный военно-промышленный комитет, причём ключевую роль в свержении монархии, по его мнению, сыграл альянс революционной и общественной «контрэлиты»²². С такой точкой зрения в принципе солидаризируется Б.Н. Миронов, для которого революция прежде всего — результат верхушечной борьбы. Причиной краха Российской империи, как он полагает, следует считать противостояние между правящей элитой и контрэлитой в лице либерально-радикальной общественности²³.

Конспирологический подход, вроде бы претендующий на новизну, на самом деле является весьма архаичным и по характеру используемых авторами

¹⁵ См.: Соловьёв О.Ф. Обречённый альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914—1917 гг. М., 1986; Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; Данилов О.Ю. Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010; Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

¹⁶ Лебедев В.В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 г. — начало 1917 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189—207; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914—1918. СПб., 2009. С. 199—209.

¹⁷ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1974.

¹⁸ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 339—342.

¹⁹ Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 119, 128.

²⁰ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907—1917). М., 2003. С. 203, 227—229.

²¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

²² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 394—401.

²³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 654—659.

источников, и по их пониманию исторических процессов. Между тем в последние годы произошли качественные изменения самой исследовательской парадигмы, что, в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии²⁴. Учёные обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, его повседневную жизнь. Изучаются изменения в общественном сознании, эволюция ментальности различных социальных слоёв, созревание в них протестных настроений. Причём речь идёт не только о солдатах или военнопленных²⁵, но и о жителях прифронтовой полосы, беженцах, дезертирах — иными словами, о значительной части населения России, чью жизнь перевернула война²⁶. Примечательно появление и работ о положении женщин в трудную военную пору²⁷. Всё больший интерес вызывает повседневная жизнь в России в годы войны²⁸, настроения различных социальных и национальных групп²⁹. Здесь можно особо назвать монографию И.В. Нарского, написанную на материалах Урала, и диссертацию В.Б. Аксёнова, посвящённую повседневной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.³⁰ Особой сферой исследований массового сознания времён войны стало изучение восприятия образа врага в русле военно-исторической антропологии³¹.

Заметной популярностью в последние годы стала пользоваться история Церкви в годы войны и революции³². Русская православная церковь выступает значимым, но идейно и политически неоднородным фактором в жизни российского общества³³. В то же время признаётся, что церковные кру-

²⁴ См.: *Шевырин В.М.* Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): Обзор // *Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сборник обзоров и рефератов.* М., 2013.

²⁵ *Астахов А.Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2011. № 4. С. 44–52; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 263–275; *Базанов С.Н.* Разложение русской армии в 1917 г. (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // *Военно-историческая антропология. Ежегодник.* 2002. С. 282–290; *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 гг. // *Новая и новейшая история.* 2005. № 1. С. 194–204; *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

²⁶ *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 гг. М., 2011.

²⁷ *Шербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004.

²⁸ *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011; *Семёнова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

²⁹ *Поршинева О.С.* «Настроения 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история.* 2010. № 2. С. 185–200; *Астахов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 5–85.

³⁰ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Аксёнов В.Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

³¹ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

³² См.: *Леонтьева Т.Г.* «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // *The Soviet and Post-Soviet Review.* Vol. 36. 2009. № 2. С. 182–196; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; и др.

³³ См.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; и др.

ги были в основном сосредоточены на решении внутрицерковных проблем. Наконец, историками окончательно отвергнут взгляд на Церковь как на оплот контрреволюции.

Современная отечественная историография всё чаще «вспоминает», что Российская империя оставалась унитарным многонациональным и поликонфессиональным государством. Имперская тематика подводит исследователей к проблемам функционирования полиэтнического государственного образования эпохи модерна, в частности — к проблеме окраин и регионов³⁴. Серьёзное внимание российские историки уделяют теме «война и общество»³⁵, причём акцент всё более отчётливо ставится на изучении ситуации в регионах³⁶. В контексте «национального» ракурса революции остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, Закавказье, Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции, как полагает большинство российских историков, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки бывших советских республик склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста.

Практически «вечный» вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г.³⁷ предполагает особое внимание к проблеме массового движения. Любое политическое, социальное, экономическое явление имеет человеческое измерение, причём в кризисные моменты стихийная сила иррационального, подсознательного, инстинктивного в человеке зачастую выходит на передний план. Именно под таким углом зрения рассматривает социально-политические процессы военных лет В.П. Булдаков. Революцию 1917 г. он описывает как системный кризис патерналистской модели властвования, не сумевшей вовремя перестроиться и терявшей политическую легитимность в глазах различных слоёв населения. По мнению историка, кризис империи можно и нужно изучать на различных уровнях: этическом, идеологическом, политическом, организационном, социальном, охлократическом и рекреационном. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над

³⁴ См.: *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 461–473; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Булдаков В.П.* «Бунт» (о восстании казахов в 1916 г.) // Родина. 2004. № 11. С. 68–72; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Котюкова Т.В.* Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война: взгляд через столетие. М., 2011; *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012.

³⁵ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: Сборник статей и документов. М., 2000; Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

³⁶ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Комарова Т.С.* Тем, кто в забвенье брошен был судьбой. Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007; *Еремин И.А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 гг.). Барнаул, 2010; *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011; *Михайлов А.А.* Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков, 2012; и др.

³⁷ *Пушкарёва И.М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке: Реформы и революция: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 245–246.

ослабшей властью, потерявшей авторитет и даже веру в себя³⁸. Во всяком случае, может считаться преодоленным известный ленинский постулат о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России. По мнению Булдакова, война способствовала дезинтеграции многонациональной империи. В то же время революция стала «энергетической подпиткой» для империи, «выстроенной на эмоционально-идейных, а не прагматичных основаниях»³⁹. Ярким примером может быть как раз революция 1917 г., давшая мощный импульс новому витку развития имперской по форме советской идеократии⁴⁰.

Россия кануна Великой революции для отечественной историографии, таким образом, — тема традиционная, но в связи со 100-летней годовщиной событий 1917 г. открывающая множество новых граней. И надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи «великих потрясений» остаётся актуальной задачей историков.

В зарубежной историографии поворот к осмыслению российской революции в контексте Первой мировой войны произошёл в 1960-е гг. на фоне осмысления опыта Второй мировой. Если в первые послевоенные десятилетия историки здесь разрабатывали преимущественно политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты истории Первой мировой войны (в том числе вопрос о её виновниках⁴¹), то позже доминирующими направлениями стали социальная и экономическая история, а одной из центральных проблем — взаимосвязь и взаимообусловленность войны и революционных событий в России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. На рубеже же 1980—1990-х гг. начался третий, современный, этап развития историографии войны и революции, ведущим направлением которого явилась так называемая культурная история. Одной из видимых причин такого сдвига стало разочарование в марксизме с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере⁴². Общей тенденцией явился переход от национально замкнутой историографии к глобальному взаимодействию историков на фоне укрепления позиций англо-американских исследователей⁴³.

³⁸ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. М., 2010. С. 669; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 80.

³⁹ Булдаков В.П. Красная смута... С. 668.

⁴⁰ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 151—152.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Neilson K. 1914: The German War? // *European History Quarterly*. 2014. July; Петров Ю.А., Павлов Д.Б. Первая мировая война: кто виноват? (историографический этюд) // *Российская история*. 2014. № 5. Впрочем, до сих пор встречаются попытки так или иначе обелить германский милитаризм, выставив виновниками все политические элиты, якобы «лунатическими» приведшие Европу к войне: Clark C. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. L., 2012. В связи со 100-летием начала войны появились и явно политизированные сочинения с обвинениями России в развязывании мирового конфликта: McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge (Mass.), 2011.

⁴² См.: Winter J., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*. Cambridge, 2005.

⁴³ См.: Большакова О.В. Долгое возвращение в Европу: изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история*. 2014. № 5. С. 26—35; Нагорная О.В., Нарский И.В. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Там же. С. 13—26.

В рамках каждого из выделенных этапов преобладала собственная исследовательская парадигма. На первом таковой стала модель «войны армий», согласно которой мировой конфликт 1914–1918 гг. рассматривался как логическое продолжение и завершение «долгого» XIX века. В ходе второго этапа война изучалась уже скорее как конфликт между обществами («война наций»). В результате западногерманская, французская и отчасти американская историографии совершили дрейф от военно-политической тематики к ревизии политической истории войны, а затем — к структурной и социальной истории. Это позволило значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах — участницах войны, раскрыть взаимосвязь между войной и последовавшими в ряде стран революциями. В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение учёных, с его особым интересом к культурной и микроистории, истории повседневности, исследует «войну солдат», «войну жертв», что во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов⁴⁴.

Тема «Россия в Первой мировой войне» в западной историографии традиционно относится к числу маргинальных. Работы в англо-американской русистике, специально посвящённые положению в России в период войны и кануна революции, стали появляться лишь в 1970-е гг.⁴⁵ В последние два десятилетия особый интерес исследователей вызывают как раз экономические, социальные и политические процессы в российском тылу⁴⁶.

Одной из основных тенденций современной западной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция воспринимается как часть системного кризиса империи, вызванного Мировой войной, и завершившегося только с прекращением Гражданской войны. Американский историк П. Холквист в книге с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг.»⁴⁷ выдвигает тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., учитывая серьёзные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в годы войны. Таким образом, поворотным пунктом в истории России Холквист считает не 1917-й, а 1914-й год.

В исследованиях последних лет отсутствует распространённый ранее жёсткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной

⁴⁴ *Kramer A.* Recent Historiography of the First World War // *Journal of Modern European History*. Vol. 12. 2014. № 1. P. 5–26; № 2. P. 155–174; Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. Любин В.П., Минц М.М. М., 2014.

⁴⁵ См., например: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. L.; Basingstoke, 1977; *Lieven D.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983; *Siegelbaum L.H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the War-industries Committees. N.Y., 1983; *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N.Y., 1986.

⁴⁶ См.: *Макаров Н.В.* Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // *Российская история*. 2014. № 5. С. 36–49.

⁴⁷ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

войны». В «Кембриджской истории России», написанной главным образом ведущими представителями западной русистики, подчёркивается, что основной причиной военных поражений России в 1914–1915 гг. чаще была не нехватка снарядов или плохая работа транспорта, а «человеческий фактор» — промахи в командовании. Тем не менее, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и её поражение далеко не было предопределено⁴⁸.

Большое внимание уделяется проблемам экономического положения России. Британский исследователь П. Гэтрелл в книге «Россия в Первой мировой войне: социальная и экономическая история»⁴⁹ подвёл итоги изучения этих вопросов в зарубежной русистике. Автор подчёркивает, что за годы войны Россия, несмотря на относительное техническое отставание от ведущих экономик Запада, сделала качественный рывок в производстве вооружений. Прогресс России в выпуске военной продукции отмечают и другие исследователи⁵⁰. Однако подобные успехи были достигнуты ценой свёртывания гражданского производства.

В целом в зарубежной русистике последних лет проделана значительная работа по изучению истории Российской империи в годы Мировой войны. Наполняется новыми фактами рассмотрение таких тем, как степень готовности России к войне, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет империи, «цена» участия России в войне в связи с революцией 1917 г.⁵¹ Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные проблемы, как межнациональные отношения и политика правящего режима по национальному вопросу, морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам войны⁵². Появляются исследования, затрагивающие важную проблему исторической памяти россиян о Первой мировой войне⁵³.

Особенностью современного историографического этапа следует признать расширение международного сотрудничества, в том числе проведение совместных научных конференций⁵⁴ и издание на русском языке исследований зарубежных авторов⁵⁵. Впечатляющим совместным трудом российских и зарубеж-

⁴⁸ См.: The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 659, 662.

⁴⁹ Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.

⁵⁰ См., например: The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 661.

⁵¹ Lieven D. Nicholas II: Emperor of all the Russians. L., 1993; Lincoln W.B. Op. cit.; Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. L., 1996; Wade R. The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

⁵² Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007. На русском было опубликовано авторское резюме монографии: Бэдкок С. Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

⁵³ Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.

⁵⁴ Первая мировая война: взгляд через столетие. Материалы международной конференции «Первая мировая война и современный мир» (Москва, 26–27 мая 2010 г.). М., 2011; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014.

⁵⁵ См.: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

ных учёных стал «Критический словарь Русской революции: 1914–1921»⁵⁶, первое издание которого вышло на английском языке в 1997 г. Важно отметить, что авторы словаря указывают на тревожные тенденции роста популярности конспирологических версий для объяснения причин революции.

Сотрудничество не исключает острых научных дискуссий и споров — отечественные учёные разделяют отнюдь не все западные интерпретации российской истории. Это касается и проблем участия России в Мировой войне в целом, и истолкования экономических, социальных и политических процессов в стране в канун Великой революции.

В данной статье уместно будет, используя накопленный в историографии материал, сопоставить некоторые процессы, характерные для предреволюционной и революционной России с аналогичными процессами в других воюющих странах. Разумеется, у каждой страны есть собственная неповторимая история, однако в периоды глобальных катастроф, охватывающих целые континенты, участники этих событий испытывают схожие проблемы и пытаются разрешить их сходными способами. Уникальность российского исторического пути обычно подчёркивалась историками в связи с тем, что события Первой мировой войны рассматриваются ими только как часть национальной истории России, а аналогичные процессы в других воюющих странах, не приведшие к столь же драматичным результатам, часто не принимались во внимание.

Что касается экономического положения, то, как свидетельствует современная зарубежная и отечественная историография, серьёзных испытаний не удалось избежать ни одной из стран-участниц. А. Креймер, в частности, подчёркивает, что от войны в той или иной степени страдали «почти все воюющие страны» и, к примеру, в Италии вызванное войной превышение уровня смертности «было на 50% выше, чем в Германии»⁵⁷. Показатели России на этом фоне не выглядят безнадёжными. Сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18%, тогда как в Германии — свыше 20%, а в Австро-Венгрии — более 30%⁵⁸. Военные противники, таким образом, испытали больший экономический спад, чем Россия. Аналогичными были и его причины, связанные с милитаризацией экономики и свёртыванием рыночных механизмов снабжения населения.

Российская империя, как и её союзники по Антанте, вступила в войну не подготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям, но в целом сумела справиться с задачей мобилизации экономики. Промышленность Германии, Франции и Италии испытывала не меньшие трудности, чем российская, вследствие потери значительной части квалифицированных рабочих, мобилизованных в армию⁵⁹. Выход во всех странах виделся в мобилизации экономики на нужды войны. Военные структуры существенно расширили административный контроль над всеми сферами общественной жизни. Россия в этом смысле не была исключением. Несмотря на техническое отставание

⁵⁶ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Акстон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014.

⁵⁷ *Kramer A.* Blockade and Economic Warfare // *The Cambridge History of the First World War* / Ed. by J. Winter. Vol. 2. Cambridge, 2014. P. 460–489.

⁵⁸ *Markevich A., Harrison M.* Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // *The Journal of Economic History*. Vol. 71. 2011. № 3. P. 672–703. См. также расширенную русскую версию: *Маркевич А., Харрисон М.* Указ. соч.

⁵⁹ *Gatrell P.* Russia's First World War...

от ведущих экономик Запада, за годы войны она сделала качественный рывок в производстве вооружений⁶⁰. Правда, созданная в империи система военно-регулирующих органов (Особых совещаний) едва ли не с самого начала функционирования стала давать организационные сбои, что обуславливалось недостаточно чётким разграничением полномочий и сфер деятельности, несопадением ведомственных интересов, усугублённым министерскими амбициями. Так, из-за опасений социального взрыва не были своевременно законодательно закреплены меры по милитаризации промышленности и труда, что было сделано в других воюющих странах.

Тем не менее России удалось значительно увеличить производительность казённых военных заводов за счёт расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнёрами. В организации военного производства Россия добилась успехов, удачно используя опыт воюющих держав в создании военно-промышленных объединений на основе кооперации крупных, средних и мелких предприятий, создании основ новых отраслей промышленности (химической, авиационной, автомобильной, средств связи и т.п.). Однако эти успехи были достигнуты ценой свёртывания гражданского производства. Ряд отраслей, обеспечивавших потребности частного рынка, городского и сельского населения, в годы войны стагнировали и даже деградировали. К 1917 г. промышленное производство в стране в целом составляло 62% от предвоенного уровня. И эту неизбежную плату за милитаризацию экономики заплатили все страны-участницы мирового конфликта.

Война дала мощный импульс этатистским тенденциям во всех воюющих странах. Расширился и укрепился государственный сектор экономики, значительная доля частной промышленности оказалась мобилизованной, частное предпринимательство, взаимоотношения труда и капитала оказались в той или иной мере ограничены законодательством и нормативами военного времени. На Западе подобные процессы подготовили почву для активного регулирования государством экономики в послевоенный период, особенно во время финансово-промышленных кризисов 1920–1930-х гг., получив обоснование в экономической концепции кейнсианства.

В России 1914–1917 гг. все эти явления также имели место, тем более что здесь государственное хозяйство и ранее играло в экономической жизни страны огромную роль (казённые заводы, железные дороги и т.п.). Однако на Западе военно-экономическое регулирование проводилось по соглашению с предпринимательскими и рабочими организациями, опиралось на установившиеся традиции, нормы, сформировавшуюся культуру взаимоотношений труда и капитала. В России же, несмотря на призывы общественных организаций к правительству признать роль рабочих организаций и попытаться привлечь их к общему делу, отношение государства к профсоюзам не изменилось. Более того, сохранялось и негативное в целом отношение власти к деловым кругам и общественной инициативе. Имперское государство с недоверием и опаской относилось к им же санкционированной системе военно-регулирующих органов, рассматривая их прежде всего как уступку предпринимателям и «общественности». После Февральской революции новое поколение либеральных

⁶⁰ См.: The Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 661.

политиков попыталось наладить сотрудничество с «организованным трудом», но было уже поздно. В то время как Германия достигла компромисса между трудом и капиталом, в России всё закончилось установлением контроля над предприятиями со стороны фабрично-заводских комитетов.

Общей для всех воюющих стран являлась и проблема обеспечения населения продовольствием. Мобилизация в армию миллионов мужчин повсюду негативно повлияла на экономическое положение сельского хозяйства. Великобритания и Франция сумели предотвратить потенциальный продовольственный кризис отчасти за счёт наращивания поставок из США, а также создания стимулов для собственных производителей, побудив их расширить посевные площади и, соответственно, увеличить поставки сельскохозяйственной продукции⁶¹.

Германия же и Россия не смогли избежать продовольственных затруднений. Причём в России, в отличие от её главного военного противника, несмотря на снижение урожайности, продовольственных ресурсов было достаточно, поскольку в годы войны прекратился хлебный экспорт из страны. Посевы 1916 г. были лишь на 5% ниже, чем в 1909–1913 гг., а урожайность в сравнении с 1914 г. упала всего на 10%. Однако расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. При этом царское правительство пыталось преодолеть дефицит продовольствия путём ограничения частной торговли и замены её государственным и общественным распределением зерна. Власть старалась свести к минимуму рыночные механизмы и заменить их административными мерами, тем самым навлекая на себя недовольство населения и провоцируя революцию, но из-за опасений социального взрыва не решилась применить систему жёсткого нормирования распределения продовольствия (в форме карточек). В итоге неспособность правительства скоординировать работу своего продовольственного аппарата на местах стала важной причиной политического кризиса. Германское правительство, напротив, ввело карточное нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьёзное недовольство населения и, безусловно, привело к временному росту социальной напряжённости. Однако отказ Российской империи от такой политики в итоге обернулся катастрофой⁶². Продовольственный кризис зимы 1916–1917 г. послужил благоприятной почвой для массовых протестных движений, которые завершились Февральской революцией.

На общеевропейском фоне Россия выделялась беспрецедентными масштабами вынужденных перемещений населения, что являлось признаком нового, тотального характера войны. Основной миграционный поток составили беженцы из прифронтовой полосы. Значительная их часть, лишившись имущества, работы двигалась на восток и оседала в тылу. Конечно, подобная проблема вставала и перед другими странами, часть территории которых была оккупирована вражескими войсками. Тем не менее нигде проблема беженцев не превратилась в такой грозный вызов, как в России, и, надо сказать, с проблемой вынужденных мигрантов в целом удалось справиться⁶³.

Положение российских финансов до Февраля 1917 г. оставалось стабильным. При этом все воюющие страны Европы прибегли примерно к одинаковым

⁶¹ Gatrell P. Russia's First World War... P. 267–268.

⁶² Ibid. P. 157–158, 160–164.

⁶³ Gatrell P. A Whole Empire Walking...; Иванова Н.А. Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны... С. 187–259.

мерам финансового регулирования (отмена золотого стандарта, усиленная денежная эмиссия, выпуск внутренних и внешних займов и др.). Путём крайнего напряжения сил народа покрытие военных расходов России обеспечивалось главным образом за счёт внутренних ресурсов: к середине 1917 г. на нужды войны было израсходовано около 35 млрд руб., из них 7.5 млрд или около 20%, получено из внешних источников (по военным кредитам союзников), а остальные 27.5 млрд руб. — из внутренних. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обращении с 1.6 млрд руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9.1 млрд руб., то есть в 5.6 раза. Реальная покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо — до 27 коп. к довоенному уровню. Вместе с тем вплоть до Февральской революции в массе населения сохранялось доверие к бумажным деньгам, что сдерживало рост цен и темп инфляции⁶⁴.

Финансовая катастрофа разразилась после Февраля 1917 г. Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9.5 млрд руб., или больше, чем за предыдущие 2.5 года войны. Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесценением рубля, покупательная способность которого к октябрю 1917 г. упала до 6—7 коп. от довоенного уровня. Мероприятия же советского правительства (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование прежних госзаймов и проч.) ещё более углубили финансовый кризис, из которого Россия сумела выйти лишь после Гражданской войны⁶⁵.

Что касается социально-политической ситуации военных лет, точек соприкосновения, взаимного доверия между государственными структурами и «образованным обществом» в России было явно недостаточно. В то же время не стоит преувеличивать, а тем более абсолютизировать противоречия между правительством и обществом. В деле помощи фронту земствам, органам городского самоуправления и общественным организациям удалось наладить с властью по-настоящему конструктивный диалог. В условиях резкой критики действий правительства легитимность муниципальных структур и общественных организаций, поддержка их общественным мнением существенно возрастали. Однако эти структуры не смогли нарастить свой политический капитал до такой степени, чтобы бросить вызов режиму. Поэтому, по выражению П. Гэтрелла, «они скорее явились бенефициарами кризиса царской власти зимой 1916—1917 г., чем его инициаторами или подстрекателями»⁶⁶.

Итак, экономические тяготы войны испытали на себе практически все европейские страны. Экономический фактор нельзя поэтому считать достаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах — существенно позже, в основном после завершения боевых действий). Противники России понесли военные потери и испытали экономический спад и дефицит продовольствия по крайней мере не меньший, чем она сама. На вопрос о происхождении российской революции 1917 г. и Гражданской войны нельзя ответить без обращения к историческим факторам, характерным именно для России. Очевидно, что в основе революции

⁶⁴ Подробнее см.: *Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // *Россия в годы Первой мировой войны...* С. 379—398.

⁶⁵ *Петров Ю.А.* На пути к финансовой катастрофе // Там же. С. 813—819.

⁶⁶ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 55.

лежали не только глобальные экономические факторы, но и ухудшение условий жизни населения, падение морально-этических норм и др.

Вместе с тем, экономический фактор сыграл в нарастании социального конфликта в России весьма важную роль, причём и до Февральской революции, и ещё более при Временном правительстве. За 1914–1917 гг. значительно ухудшились качество питания жителей тыла и, соответственно, состояние их здоровья и социальные настроения. Трудности военного быта стали благоприятной почвой для массовых протестных движений, в итоге завершившихся революцией. Тем не менее, как справедливо отмечает Б.И. Колоницкий, нарастание кризиса ещё не вело фатально к революционному взрыву. Толчком к последнему явилась та «взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», которая получила «необычайно широкое распространение в специфических условиях военного времени»⁶⁷.

В мирное время Российская империя, несмотря на многообразие, разнонаправленность и масштабность характерных для неё социальных конфликтов, способна была их «переварить». Однако в экстремальных условиях войны это оказывалось невозможным. В сознании российских рабочих и крестьян в 1917 г. желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений. Для объяснения причин Великой российской революции недостаточно «простых» конспирологических ответов, и, возможно, мы всё ещё далеки от ответа на вопрос, как именно сработал её пусковой механизм.

Так или иначе, если практически повсеместно в Западной Европе завершение войны означало наступление эры реформ, то перед Россией открылась совершенно иная перспектива. Революционный выход из войны на долгие десятилетия предопределил её развитие. И если XX век для человечества, как признают многие историки, начался с Первой мировой войны, то и его досрочное окончание в 1918 г. оказалось связано с распадом той политической и экономической системы, которая, в свою очередь, явилась порождением конфликта 1914–1918 гг.

⁶⁷ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.